

УДК 94(495).01

**ИСИДОР ПРОТИВ ГЕГИЯ: АФИНСКАЯ ШКОЛА
МЕЖДУ ПРОКЛОМ И ДАМАСКИЕМ (485–520)****ISIDORE AGAINST HEGIAS: THE SCHOOL OF ATHENS
BETWEEN PROCLUS AND DAMASCIUS (485–520)****А.М. Болгова
A.M. Bolgova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia**e-mail: bolgova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В работе рассматривается история Афинской школы неоплатонизма в период между Проклом и Дамаскием – двумя наиболее известными из руководителей школы последнего периода ее существования. В рассматриваемое время существовала проблема реального наследования должности схолаха, так как формальный преемник Прокла Марин не имел авторитета и способностей своего предшественника. Исидор из Александрии не смог удержаться в этой роли, и она перешла к Гегии – талантливому и знатному юноше, происходившему из семьи философов и афинских сенаторов. В силу того, что об этом времени мы знаем лишь из «Жизни Исидора», написанной Дамаскием, другом и сподвижником Исидора, образ Гегия предстаёт весьма пейоративным. На деле это было, видимо, не так. К сожалению, иных источников об эпохе Гегия в Афинской школе (495-500/520?) у нас нет.

Resume. The paper deals with the history of the Athenian school of Neoplatonism between cursed and Damascius - the two most well-known leaders of the school of the last period of its existence. During the period under consideration there was a problem of the real inheritance scholar position as a formal successor of Proclus Marin did not have the authority and capacity of its predecessor. Isidore of Alexandria could not hold down a job, and it devolve on to Hegias, talented and noble young man, comes from a family of philosophers and the senators of Athens. Due to the fact that this time we know only according to "Life of Isidore", written by Damascius, a friend and associate of Isidore, Hegias image appears very pejorative. In fact, it was probably differently. Unfortunately, we have not other sources of the era of Hegias in the Athenian school (495-500/520?).

Ключевые слова: Афины, школа, философия, неоплатонизм, схолах, Исидор, Гегий, Прокл, Дамаский.
Keywords: Athens, school, philosophy, Neo-Platonism, scholar, Isidore, Hegias, Proclus, Damascius.

Прокл, крупнейшая фигура позднеантичного неоплатонизма, полвека руководивший Афинской школой (435-485 гг.)¹, был весьма обеспокоен выбором преемника. Афинская школа неоплатонизма имела достаточно четкий порядок наследования². Каждый уходящий схолах, по-видимому, выбирал как своего актуального преемника, так и заместителя, который помогал этому человеку.³ Когда Прокл стал главой школы, его соученик Домнин, видимо, был назначен его заместителем и потенциальным преемником.⁴ Но Домнин постепенно оттеснялся Проклом на периферию.⁵ Видимо, назначение Домнина не вызвало поддержки Прокла, который не считал Домнина хорошим философом. В 460-е гг. Домнин оставил школу Прокла, уехал из Афин и начал самостоятельно обучать в Сирии.⁶

Следующим, назначенным уже самим Проклом, преемником был Марин. Урожденный самаритянин, Марин обратился в язычество в юном возрасте, а затем приехал в Афины учиться у

¹ Болгова А.М., Болгов Н.Н. Школа Прокла Диадоха и Афины V в. // Власть и общество: история взаимоотношений. Воронеж, 2016. С. 269-274.

² Подробнее см.: Watts, Edward J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley; London, 2008. Особенно р. 79-110.

³ Так как заместитель, вероятно, должен был помогать на начальных этапах смены администрации, возможно, что он избирался, только когда смена администрации становилась неизбежной. Он также должен был предположительно назначать преемника, если новый схолах неожиданно умер.

⁴ Vit. Prcl. 26. История с визитом Домнина и Плутарха с дарами в святилище Асклепия (Vit. Is. Ath. 89A; Z. Fr. 134, fr. 218, 227) показывает, что Домнин еще был в школе, когда Плутарх был все еще относительно молод. Домнин был студентом вместе с Проклом в классе орфических гимнов, которым обучал Сириан вплоть до своей смерти (Vit. Procl. 26).

⁵ Попытки Домнина писать философские сочинения получили такую враждебную реакцию в школе, что Прокл написал работу, опровергающую многие его интерпретации (Vit. Is. Ath. 89A; Z. Fr. 134).

⁶ Домнин учил в Сирии александрийца Асклепидота, возможно, в конце 460-х гг. (Vit. Is. Ath. 93; Z. fr. 228).

Прокла.¹ Решающим фактором для продвижения Марина стала его лояльность по отношению к Проклу. В отличие от Домнина, Марин не имел амбиций по отношению к Проклу, безусловно признавая его авторитет и не споря с его идеями.

Несмотря на это расположение, в начале 470-х гг. стало ясно, что в выборе Марина своим преемником, Прокл допустил один из немногих просчетов в своей поздней карьере. Марин имел ограниченные способности как философ-платоник.² Кроме того, в начале или середине 470-х гг. Марин был поражен хронической болезнью. Он никогда полностью уже не смог восстановиться, и болезнь со временем прогрессировала.

И Прокл, и Марин, кажется, понимали, что нужно срочно искать и готовить способного философа, который смог бы быть назначен заместителем Марина и окончательным (следующим) преемником. Прокл и Марин первоначально решили искать кандидатуру в своем ближнем круге.

Их внимание первым делом обратилось на Исидора, александрийца, который уже завершал свое обучение в школе. Исидор приехал в Афины пополнить свое философское образование, которое он начал получать в Александрии и намеревался возвратиться в свой родной город после того, как время его обучения с Проклом закончится. Он был одним из лучших студентов в риторической школе Гореполлона³. Кроме того, он покинул Александрию, фактически спасаясь от преследований со стороны христианских студентов-филопонов. Когда Исидор заканчивал обучение и уже готовился к отъезду, к нему кто-то подошел (вероятно, Марин) и попросил стать следующим преемником схолаха. Когда Исидор проигнорировал это предложение, к нему подошел сам Прокл.⁴ Несмотря на это прямое обращение, Исидор был особенно обеспокоен религиозными обязанностями этой должности и своей невозможностью исполнять их в полном объеме.⁵ Исидор высказал эти сомнения Проклу и отклонил предложение.⁶

Отказ Исидора причинил Проклу огромное беспокойство. В двух кратких фрагментах «Жизни Исидора» Дамаский отмечает, что «Прокл был напуган, что истинная Золотая Цепь Платона может покинуть наш город Афины», и «он был также испуган сообщениями о телесной слабости, которой страдал Марин».⁷

Прокл решил расширить поиски кандидата. И уже в самом конце своей жизни Прокл, наконец, нашел молодого студента, который имел потенциал стать мыслителем наравне с ним самим и его предшественниками. Этот юноша, Гегий (Hegias), по своему происхождению как нельзя лучше подходил на роль схолаха. Он был пра-правнуком основателя школы, Плутарха. Внук Плутарха Архиад⁸ при Прокле стал влиятельным политическим защитником школы в Афинском совете. У Архиада и его жены Плутарха была дочь Асклепигения. В детском возрасте она заболела и перенесла ритуальное очищение со стороны самого Прокла. Девушкой она была выдана замуж за афинского сенатора Феагена, к которому перешла роль Архиада по общественной защите и поддержке школы⁹. Гегий был их сыном. Он стал плодом не вполне равного брака. Архиад был очень уважаемым в городе, но обедневшим, а семья Феагена была очень богата¹⁰. Феаген был более богатым и влиятельным партнером в данном браке и, как таковой, он имел мало терпения для соблюдения правил и традиций философской школы¹¹, однако он стал надежным прикрытием школы от растущего влияния христиан в городе.

¹ О его рождении и обращении см. Vit. Is. Ath. 97A; Z. Ep. 141. О его самаритянском происхождении см.: Hult K. Marinus the Samaritan: A Study of Vit. Is. Fr. 141 // *Classica et Medievalia*. 43. 1993. P. 163-175.

² Такова оценка Дамаския (Vit. Is. Ath. 97J; Z. Ep. 245), которая может отражать его опыт от личного знакомства с Марином. По существу, это тенденциозная и несколько несправедливая оценка. Описание Дамаскием философского дискурса Марина основывается на текстах, написанных позднее, в конце жизни, когда он был уже довольно плохо здоровым и был неспособен к объективным оценкам. Возникает вопрос, каким он мог представить образ этого человека, находясь в расцвете сил. Но даже если эта характеристика необъективна, можно согласиться, что Марин не был оригинальным и крупным философом.

³ Болгова А.М., Болгов Н.Н. Гореполлон Младший (ок. 440-500 гг.) и его школа в Менуфисе // ПИФК. 2016. № 2(52). 2016. С. 152-162.

⁴ Vit. Is. Ath. 98C; Z. Ep. 150, fr. 250-252. «Жизнь Исидора» описывает три поездки, которые Исидор предпринимал в Афины, еще будучи александрийцем. Первая из них, около 470 г., была приездом для начала обучения у Прокла. Вторую поездку он совершил в 485 г., когда узнал, что Прокл – на грани смерти (Vit. Is. Ath. 125A, B; Z. Ep. 188, fr. 327). Третья – результат его бегства из Александрии в 488 г. (Vit. Is. Ath. 141B; Z. Ep. 207). Обращение Прокла к Исидору должно было происходить во время первого пребывания того в Афинах. Марин уточняет, что Прокл был не в состоянии вести разговоры в конце своей жизни (Vit. Procl. 20). Это делает крайне маловероятным предложение Исидору о схолахате во время его второго приезда. Так как Прокл умер в 485 г., связывать диалог с третьим приездом Исидора явно невозможно.

⁵ «Еще более важное значение в преемстве было подчеркнуто словами Прокла, менее склонного убедить Исидора стать таковым, так как он чувствовал, что бремя становится таким сильным для него, что его почти нельзя вынести» (Vit. Is. Ath. 98C; Z. fr. 252).

⁶ Vit. Is. Ath. 98D; Z. fr. 253.

⁷ Vit. Is. Ath. 98E, F; Z. Ep. 151-152. Несмотря на кажущуюся связь этих двух фрагментов, они не связаны синтаксически, хотя тематически бесспорно связаны. Кажется, что страх Прокла за разрыв афинской платонической традиции возник из его беспокойства за физическое состояние Марина, а также, возможно, и еще по какой-то, неизвестной нам причине.

⁸ М. Эдвардс (Edwards M. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, 2000. P. 75, n. 124) допускает возможность того, что родство лучше понимать не прямо, а метафорически. Тем не менее, позднейшая деятельность потомков Архиада показывает правильность того мнения, что он был связан родством с семьей Плутарха Схолаха.

⁹ Сенатор Феаген описывается Марином как «наш благодетель».

¹⁰ О финансовом положении Архиада в то время см. Vit. Is. Ath. 105A; Z. fr. 273.

¹¹ Vit. Is. Ath. 97J; Z. fr. 245.

Уже по своему происхождению Гегий имел незаурядный ученый потенциал и политический вес. Дамаский пишет о нем: «Когда он был еще подростком¹, [Гегий] подавал всеобщие надежды, помимо того, что он не уступал великому Плутарху. Действительно, Прокл счел его достойным, когда он был еще юношей², [участвовать в] его семинаре по Халдейским оракулам»³.

Гегий поступил в школу в самом начале 480-х гг. В это время Проклу было уже более 70 лет, и его уже обозначившийся физический и умственный упадок становился все более явным⁴. Прокл, кажется, позволил поразительному таланту Гегия задержать его отход от дел. «В этом расслаблении более всего побуждал его к продолжению ученых толкований молодой Гегий, с детства являвший все признаки наследственных добродетелей... Беседуя с Проклом о Платоновом и ином богословии, он выказывал великое прилежание»⁵.

Такая ситуация была привычна для Афинской неоплатонической школы. Когда-то сам Плутарх, предок Гегия, принес ту же жертву, чтобы учить самого Прокла в 430-х гг.⁶ Помня об этом, Прокл прилагал особые усилия, чтобы обучить юного Гегия. Если бы этот студент реализовал бы все, что в нем было заложено, он смог бы сохранить репутацию Прокла как великого учителя. Более важно, что наставляя Гегия, Прокл гарантировал, что доктрины, которым он обучал, продолжат усваиваться следующими поколениями учителей в неизменном виде. Так как ставки были настолько велики, Прокл позволил Гегию начать преподавать продвинутое курсы в области философии и богословия, включая его главный семинар по Халдейским оракулам, еще до завершения им полного курса начального уровня своего образования.

Но и Гегий, великая надежда для будущего школы, не был полностью беспроблемной фигурой в качестве сшоларха. Гегий, кажется, унаследовал в некотором смысле чувство права и порядочности своего отца. Поэтому имелась очень реальная вероятность того, что Гегий будет долго ждать своей очереди в сшолархи после Марина, а затем, возможно, и Зенодота.

Однако, когда Прокл умер в апреле 485 г., за короткое время все договоренности Прокла о преемстве были полностью элиминированы. Почему? События, последовавшие за смертью Прокла, очень неясны. Наше единственное сообщение об этом восходит к «Жизни Исидора» и, без поддержки других свидетельств, его фрагментарный характер делает его использование затруднительным для установления сути и хронологии событий. Тем не менее, из частей текста, которые сохранились, можно увидеть, что план преемства, устроенный Проклом, в целом вступил в силу. Марин фактически наследовал Проклу как глава школы, а Зенодот, кажется, немедленно стал его заместителем⁷. Каждый из них взял на себя обязанности преподавания, которые Прокл хотел на них возложить.

Возможно, чувствуя необходимость расширения своих компетенций в соответствии со своим новым статусом сшоларха, Марин вскоре начал работу над двумя комментариями к Платону, но оба этих труда оказались неудачными, высмеянными его современниками⁸. Этот интеллектуальный промах был подкреплен политическими оплошностями. Вскоре Марин оттолкнул от себя Феагена, отца Гегия, который стал для школы богатейшим и влиятельнейшим покровителем в последние годы жизни Прокла⁹. Феаген был ревностно заинтересован в использовании своей деятельности покровителя для усиления своей репутации¹⁰.

Между составлением Марином «Жизни Прокла» в 485-486 гг. и третьим приездом Исидора в Афины в 488-489 г., отношения между Феагеном и руководителями школы резко ухудшились¹¹. Феаген стал ожидать признания себя как философа. Но Марин не льстил Феагену. Он предоставлял Феагену почет, присущий человеку, который имел высокий социальный ранг, но он

¹ Μετράκιον – это слово обычно передают как «юный», приблизительно лет 12-ти.

² Νέον – хотя и менее специфично в упоминании, нежели Μετράκιον, указывает на то, что Гегий был еще по-прежнему необычно молод для того, чтобы вести данный тип обучения.

³ Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351.

⁴ Vit. Procl. 26. См. гл. 4.

⁵ Vit. Procl. 26.

⁶ Vit. Procl. 12.

⁷ Авторство Марина в отношении «Жизни Прокла» достаточно четко указывает на его статус. Зенодот же обозначается как «преемник» Фотием в IX веке. Фотий, возможно, опирался на утраченную часть «Жизни Исидора», где могла содержаться эта информация, но также возможно, что он взял ее из какого-то независимого, неизвестного нам источника.

⁸ Дискомфорт Марина в его новом положении ясен из его введения в «Жизнь Прокла». Хотя многие авторы утверждают, что он был не готов к выполнению своей роли сшоларха, сам Марин кажется более убедительным в своей неготовности, чем большинство прочих древних авторов. См. Vit. Is. Ath. 105A; Z. fr. 273.

⁹ Школа не была единственным языческим учреждением, которое пользовалось вниманием Феагена. Он также выступал покровителем поэта Пампрепия и других преподавателей. Возможно, Пампрепию стоит атрибутировать авторство анонимной поэмы, написанной в честь Феагена (Heitsh E. Die griechischen Dichterfragmente der romischen Kaiserzeit. Gottingen, 1961-1964. P. XXXV). Эта поэма упоминает огромное богатство Феагена, и затем, несколько неискренне, называет его «спокойным убежищем для рода поэтов». Малх (фр. 22) так сообщает об этом: «Пампрепий был в великой силе при Зиноне. Он происходил из Фив египетских и был одарен от природы отличными способностями. Приехав в Афины, был он городом избран в грамматика, много лет преподавал другим и сам у славного Прокла учился высшей науке. Против него составлен был донос одному из тамошних (начальников?), Феагену, и Пампрепий потерпел от него оскорбления и интриги, какие не подобают учителю».

¹⁰ Учитывая концентрацию Дамаския на негативные характеристики субъекта, неудивительно найти эти указания в Vit. Is. Ath. 100A; Z. Fr. 258. В этом случае, однако, Дамаский не мог не иметь искаженный образ Феагена. Малх (fr. 23 Blockley) описывает жестокость, с которой Феаген расследовал обвинение, выдвинутое против его бывшего клиента Пампрепия.

¹¹ В «Жизни Прокла» Марин описывает Феагена как «благодетеля». Однако, Феаген и Марин имели чрезвычайно холодные отношения.

осознанно воздерживался от каких-либо признаний его философских претензий¹. Феаген болезненно переживал недооценку себя как философа. Он лелеял свою философскую родословную² и предпринимал такие усилия, чтобы жить сдержанно, по-философски, что даже Марин признал, что он был самым выдающимся из сенаторов империи в этом отношении³.

Проблемы со спонсорами школы после Прокла приняли характер драматической трансформации из-за изменения политического положения школы и ее профессоров. Ошибки Марина в этом вопросе поставили школу и ее преподавателей в значительно менее безопасное положение. Нельзя сказать, что школа столкнулась с какой-либо крупной внешней угрозой. Но школе не хватало мощного лидера, признанного и авторитетного в христианизирующемся городе, и поэтому, имея множество богатых, но инакомыслящих (языческих) покровителей, она была теперь легко восприимчива к внутренним конфликтам.

И внутренние распри в Афинской школе вскоре вспыхнули. «Жизнь Исидора» молчит об их причине, но описывает их результат. Марин встал не на ту сторону в этом споре и быстро, в конечном итоге, проиграл более сильным врагам, объединившимся против него. По сообщению Дамаския, Марин покинул Афины, уехав в Эпидавр, так как предполагается, что заговор был направлен против самой его жизни⁴. Его бегство было вызвано также и позицией крупных покровителей школы, стремившихся закрепить свой надзор над академической иерархией. Изгнание Марина чрезвычайно ослабило его положение сcholарха.

Когда Марин возвратился в школу, Гегий уже приобрел в ней гораздо более высокое положение. Гегий как в общественно-политическом, так и в философском отношении значительно отличался от Марина, и его новое влияние в школе привело к вспышке ожесточенных доктринальных споров. Ныне сложно судить о философских идеях Гегия, так как сведений о них почти нет. Лишь «Жизнь Исидора» сохранила различные фрагменты апорий Гегия, из которых видно, что он занял неортодоксальную для неоплатонизма позицию⁵. Но, несмотря на это, никто не мог силой изгнать Гегия из школы.

В итоге, кажется, что Марин и Гегий вошли в какое-то непростое сосуществование (Марин – формальный сcholарх; Гегий – реальный авторитет), но неожиданное развитие событий изменило внутреннюю ситуацию в Афинской школе в начале 489 г. В это время Исидор, первый выбор Прокла в преемники Марина, прибыл в Афины как место изгнания из Александрии. С ним приехал и Дамаский, который был в то время просто молодым ритором, получившим лишь основное философское образование⁶. Он, однако, стремился его расширить.

Исидор и Дамаский сразу же по приезду стали тяготеть к Марину и его покровителям. Дамаский обратился к Марину и Зенодоту для получения более полного и правильного философского образования⁷. Исидор, со своей стороны, стал лидером группы, противостоявшей Гегию в доктринальных спорах в школе⁸. Вскоре перевес Исидора стал очевидным. При Исидоре Марин стал слишком тяготиться своей должностью и не мог продолжать бороться с Гегием. Исидор, по контрасту с вялостью Марина, энергично противостоял группировке Гегия и, так как Марин все больше болел, сcholарх начал переосмысливать выбор Зенодота в качестве своего преемника⁹. Незапятнанный в событиях середины 480-х гг. и энергичный в своем противостоянии Гегию, Исидор казался более предпочтительным кандидатом, чем Зенодот в настоящих обстоятельствах. По-видимому, признав это, Марин ранимизировал идею Прокла о том, чтобы Исидор стал заместителем сcholарха¹⁰. Теперь, хотя и с оговорками, Исидор согласился занять эту должность, но не исполнять фактические обязанности¹¹.

Механизм того, как Исидор стал заместителем сcholарха, но был освобожден от соответствующих обязанностей, не вполне понятен (как и причины такого решения Исидора). Должность была очень почетной, и никто не мог представить, что Марин отдаст ее Исидору в чисто церемониальном смысле, номинально. Вполне вероятно, на деле, что был достигнут некоторый компромисс. В обмен на него, Исидор мог согласиться использовать авторитет своей новой должности в противостоянии Гегию и его группировке во внутришкольных спорах.

¹ Vit. Is. Ath. 100A; Z. Fr. 261.

² Пампрепей был внимателен к таким благодарностям в своем панегирике путем создания вымышленной родственной связи между Феагеном и Платоном. См. также: Ведешкин М.А. Пампрепей и последняя битва восточноримского язычества // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 94-100.

³ Vit. Is. Ath. 100B; Z. Fr. 261.

⁴ Vit. Is. Ath. 101C; Z. Ep. 77. Об этом пассаже см. также: Athanassiadi P. Damascius, the Philosophical History. Apamea, 1999. P. 247, n. 273.

⁵ См., например, Vit. Is. Ath. 149A; Z. fr. 364. Позднеантичное время не было лишено своего рода доктринальной фракционности, которая характеризовала руководство языческих философских школ. В то время как профессора, которые были не согласны с большинством в школе, должны были, в конечном итоге, уйти из учреждения (Glucker J. Antiochus and the Late Academy. Gottingen, 1978. P. 13 ff.), не было ничего необычного в различных философских мнениях, существовавших в то время в тех школах. В поздней античности учителя были столь же склонны к несогласию, как и прежде, но они также и быстрее выходили из этих ситуаций (как в случае с Доминионом).

⁶ О начальном образовании Дамаския известно из Фотия (cod. 181. 80 ff).

⁷ Phot. Bibl. Cod. 181, 84-85.

⁸ В философских дискуссиях, которые П. Афанассиади реконструирует по фрагментам из «Жизни Исидора», Исидор и Гегий являются противниками. В этом плане Исидор твердо противостоял Гегию. Фрагментарные свидетельства об этих спорах можно найти в Vit. Is. Ath. 149A,B,C; Z. Fr. 364, 366, 61, Ep. 227.

⁹ Vit. Is. Ath. 148A; Z. Ep. 224.

¹⁰ Ibid. Ath. 148B; Z. Ep. 225.

¹¹ Ibid. Ath. 148C; Z. Ep. 226.

Принятие Исидором должности сначала воодушевило сторонников Марина¹. Эти надежды были связаны с ожиданиями, что Исидор сможет восстановить мир в школе и защитить целостность преподавательского корпуса. К несчастью, эти надежды не реализовались. Исидор занял должность с большой неохотой и был ужасающе неэффективен, исполняя ее. Фактически, как только он принял на себя мантию, оказалось, что ситуация для группировки Марина значительно ухудшилась. Дамаский упоминает об этом времени так: «Он (Марин) заблуждался, пытаясь исправить неисправимую ситуацию, которая сползала к катастрофе. Он не сделал более ничего»².

Как философ и теург, Исидор, по Дамаскию, находил «близость к уму» и его «остроту» не в «удобоподвижной фантазии» как «даровании, основанном на мнениях», и не в «размышлении об истине, проворном на ходу и живучем», но в «божественном нисхождении», которое он называл «счастливым делом»; то есть теуретические исследования Исидор ставил ниже божественного озарения. Богов Исидор почитал «в неизреченности всесовершенного неведения». Следовательно, мы можем оценить Исидора как теурга ямвлиховской традиции в большей степени, нежели оригинального философа³.

И Исидор, и Марин в итоге недооценили сопротивление Гегия, которое тот смог оказать, и с фактическим провалом их дела Исидор решил оставить Афины. Когда он уже начал готовиться к этому, Марин окончательно сдался своей длительной болезни. Он умер в 495 г., оставив Исидора своим преемником в роли главного схоларха.

Опыт номинального преемника не прибавил Исидору желания занять реальную руководящую роль в школе. Он знал, что в такой ситуации он не сможет переломить влияние группы Гегия, и не хотел дальнейшего участия в борьбе. Признавая реальность обстоятельств, Исидор передал власть не формально легитимному, но беспомощному Зенодоту, а фактическому лидеру Гегии и назначенному им следующему преемнику (заместителю) – Сириану.

Обратившись с напутствием к своим бывшим противникам, Исидор сказал: «Вам необходимо восстановить философию, которая теперь почти зачахла»⁴. Сдержанная критика доктрин его противников и их действий, без сомнения, удовлетворили Исидора настолько, насколько разозлили Гегия, но, в конце концов, это было уже неважно. Гегий победил.

В конечном итоге, победа Гегия была связана с возможностями его отца Феагена и с его большей укорененностью в афинский истеблишмент; Исидор же был безродным чужаком⁵. Трудно судить, кто из схолархов был бы более эффективен – Исидор или Гегий. Первый фактически почти не руководил школой. О деятельности второго у нас почти нет сведений. Тем не менее, оба они на рубеже VI столетия были вполне языческими традиционными философами, правда, с несколько разным отношением к теургическим практикам.

Гегий одержал победу в политической борьбе, но он теперь возглавил разделенную школу, в которой оставались оппозиционные ему группировки. Зенодот, оттесненный им от власти, еще оставался преподавать в школе⁶. Студенты Марина, который провозгласил Исидора после своего избрания в качестве преемника, также еще оставались на своем месте. Главное место среди них занимал Дамаский, друг Исидора и стойкий оппонент Гегия. Обоснованно верить, что эти люди сделали трудную жизнь как для Гегия, так и для его сторонников, как это раньше было для Исидора.

Мы не знаем степень, до которой степени внутренние распри повлияли на способности и возможности Гегия руководить школой. Единственная информация, которая дошла до нас о Гегии, происходит от недружественного ему пера ученика и друга Исидора – Дамаския. Поэтому его оценка характерно груба: «Мы слышали, что философия в Афинах никогда так не презиралась, как мы видели это при Гегии»⁷.

Дамаский сотрудничал со школой при условии сохранения традиционного философского обучения при Гегии, и картина, которую он рисует, хотя и предвзята, но показывает школу как вполне работающую, лишь с небольшими пожеланиями в отношении города Афин. Видимо, Дамаский, так или иначе, находился в оппозиции к Гегии, реально или морально затрудняя работу схоларха.

Как и Прокл, Гегий подчеркивал религиозные элементы философского образования больше, чем все прочие части школьного учебного плана. Дамаский пишет, что Гегий практиковал языческие религиозные ритуалы (теургические практики) и, в результате, вступил в конфликт с местными властями⁸. Из сообщения Дамаския следует, что эти религиозные ритуалы, как пред-

¹ Vit. Is. Ath. 148D, E; Z. Ep. 303, 304. Как указывает П. Афанасиади (Damascius. P. 325, n. 389), образ света, побеждающего тьму, который Дамаский использовал для описания надежд, возбужденных Исидоровым решением, контрастировал с образом тьмы, побеждающей свет, который Марин использовал для описания смерти Прокла.

² Vit. Is. Ath. 151B; Z. Ep. 228. Хотя это больше похоже на описание проблем, с которыми столкнулся Исидор; возможно, что это упоминание относится к Марину.

³ Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб., 1996. С. 257.

⁴ Vit. Is. Ath. 151E; Z. Ep. 230.

⁵ Хотя сам Прокл тоже не был коренным афинянином. Однако, масштабы личностей Прокла и Исидора все-таки были различны, да и время значительно изменилось.

⁶ Возможно, что в этот период он учил Дамаския. Об их отношениях см.: Phot. Cod. 181, 84.

⁷ Vit. Is. Ath. 145A; Z. Ep. 221. Учитывая сохраняющуюся роль Гегия в школе, Дж. Глюкер утверждает (Glucker J. Antiochus and the Late Academy. Gottingen, 1978. P. 307, n. 23), что эта фраза относится к Гегии как к политическому деятелю, и почти наверняка ошибочна.

⁸ «От этих действий возник скандал в городе, и он навлек гнев и ненависть как против тех, кто жаждал обильных имуществ, так и тех, которых он был учителем, и некоторых из тех людей, кто устанавливал законы» (Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351).

ставляются, были двух типов. Первый – «ритуалы наших предков» - были тайно празднуемы «по всей Аттике»¹ и могли быть теургическим типом ритуалов, что были частью ритуалов семьи Гегия на протяжении более 150 лет. Эти ритуалы, возможно, включали некоторое количество таких вещей, как урожай благословения и исцеления, и могли напоминать те, что устраивались Несторием (отцом основателя школы Плутарха) для предотвращения землетрясений, и которые применял Прокл, чтобы вызвать дождь. Оживление религиозных практик также соответствует исторической деятельности предшествующих Гегию афинских схолархов².

Поскольку деятельность Гегия соотносилась с философскими идеалами и теургией, в данных исторических обстоятельствах она была консервативно-оборонительной. Ставя религиозные практики превыше всего остального в школе, Гегий широко следовал образцу, установленному его учителем, Проклом. В реальности, однако, поведение Гегия отличалось решающим образом от поведения его великого предшественника. В отличие от Прокла и еще более ранних схолархов, Гегий имел небольшой личный интерес к этим вещам, и сам (лично для себя) делал их скрытно³. Фактически, он занимался показухой в языческих ритуалах, которые он совершал в школе, делая их неискренне.

Теургическая демонстративность Гегия была негативным явлением в изменившемся по сравнению со временем Прокла афинском политическом климате начала VI в. Большинство внешних покровителей школы исчезли на фоне губительных сражений за схолархат в 480-е и 490-е гг. При Гегии политическая и финансовая помощь школе стала в подавляющем большинстве случаев происходить только из семьи Феагена. В финансовом отношении семья, возможно, могла продолжить поддерживать школу еще долго. Однако, общая политическая ситуация отличалась от той, что была ранее. Несмотря на то, что Феаген был достаточно колючим человеком, он довольно хорошо маневрировал в политических кругах. По контрасту, Гегий имел мало прямых политических контактов со своим отцом и еще меньше остроты его политического зрения. Еще хуже было то, что его показное язычество увеличивало его политическую неэффективность. Это создавало опасное положение как для самого Гегия, так и для школы. Ослабляя политическое прикрытие, создаваемое его отцом, публичная религиозная (и при этом лично неискренняя) деятельность Гегия делала его привлекательной и относительно легкой мишенью для врагов. Фактически, поведение Гегия привлекало внимание как доносчиков внутри города, так и магистратов провинции Ахайи⁴. Хотя Гегий и избегал в своей жизни богатства, он был публично наказан за него⁵.

О том, что последовало далее, ничего не известно, но трудно представить, что эти обстоятельства были бы удобны для школы или схоларха. Однако, с другой стороны, более важны последствия Гегиевых неприятностей. Впервые после того, как Прокл собирал своих могущественных покровителей в 450-е гг., оппонента неоплатонической школы удалось объединиться и одержать победу над философами, преподававшими в городе. Действия, предпринятые против Гегия, сделали уязвимость школы и ее схоларха очевидной для всех афинян.

Дальнейшая личная судьба Гегия нам не известна, но либо из-за смерти, либо из-за его ухода с должности, Дамаский сменяет его на посту схоларха⁶. «Жизнь Исидора» - единственный источник, который дает какую-либо информацию о школе на рубеже V - VI вв. В нем нет упоминания о том, как закончилось пребывание Гегия на посту схоларха. Дата, когда это произошло, в такой же степени неясна. Это может быть промежуток от 500 до 520 г. Дата около 515 г. предложена Ж. Комбе⁷ и принята П. Афанасиади⁸, но доказать ее практически невозможно (как и прочие).

По нашему мнению, смену схоларха логичнее объяснить смертью Гегия, нежели его смещением. Какими бы плохими ни были отношения Гегия с его спонсорами и городским советом, прямого смещения схоларха властями Афинская школа не знает. Видимо, или ранее, или одновременно, должна была иметь место и смерть Феагена.

Приход Дамаския к власти привел к реваншу группировки Исидора-Дамаския и к заметному сдвигу в управлении школой. Дамаский тенденциозно представил образ Гегия в «Жизни Исидора». Прямо не очерняя противника, Дамаский отчасти проявляет к нему некоторое уважение. Но описания Гегия, вместе с тем, и далеки от лести. Гегий показан ярким и нетерпеливым челове-

¹ Это место довольно темно. П. Афанасиади (Damascius. P. 319, n. 382) переводит фразу как «он завершил работу над святынями его родственников по всей Аттике, в тайне». Альтернативный вариант: «он выступал по всей Аттике со святыми обрядами от своего имени, тайно по отношению к законам». Эти ритуалы были не просто ритуалами, служившими к славе умерших родственников, но это были обряды, предпочитаемые самими эгими предками.

² Прокл переучредил многие традиционные культы, в особенности знати. Самый яркий пример этой деятельности имел место во время его изгнания в Азию (Vit. Procl. 15). П. Афанасиади (Damascius. P. 320, n. 382) также указывает на сходство между деятельностью Гегия и Прокла в этом отношении.

³ Дамаский говорит, что его поведение было «более безответственным, нежели благочестивым» (Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351). «Безответственность» Гегия могла упоминаться в чрезмерно агрессивном «прощупывании божественного», возможно, путем дивинации. Если это так, то это должно было привлечь нежелательное официальное внимание к его деятельности.

⁴ Они должны быть тождественны с «людьми, которые устанавливают законы», описанными в Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351.

⁵ Там же.

⁶ См. Westerink L.G. The Greek Commentaries on Plato's Phaedo. Vol. 2. Damascius. New York, 1976-1977. P. 8.

⁷ Combes J. Damascius. Traite des premiers principes. Vol. 1. Paris, 1986. P. XIX, XXXVI.

⁸ Athanassiadi P. Damascius. P. 43.

ком, но склонным к даваемым ему плохим советам¹. В конечном итоге, эти характеристики показывают, что Гегий вел себя почти полностью «нефилософски», и когда Дамаский взял власть над школой, ему было легко обосновать пересмотр политики и многих прочих дел Гегия.

Помимо простой критики деятельности Гегия, Дамаский также инициировал пересмотр доктрин, которым велось обучение в школе. Дамаский сильно отличался от своего предшественника в своем понимании обучения неоплатонизму и его роли. И когда Дамаский взял на себя управление школой, он инициировал такой тип преподавания, который элиминировал не только некоторые доктрины и интерпретации Гегия, но даже и самого Прокла². Но это – тема отдельного исследования.

Остается лишь сожалеть, что по сохранившимся обрывкам текстов мы никак не можем реконструировать учение Гегия, настолько, что даже А.Ф. Лосев в своем многотомном исследовании, в разделах о неоплатонизме, не посвятил Гегию ни слова³, как не привел и библиографии (что он проделал для всех прочих неоплатоников).

Трудно сказать, какая фигура была, в конечном итоге, важнее для судеб афинского неоплатонизма на рубеже V-VI вв. В силу тенденциозности источников Исидор предстает перед нами как глубоко религиозный философ и теург, менее склонный к рациональному знанию, а отсюда – и к практическим делам руководства школой. Талантливый Гегий, как бы самой природой предназначенный к руководству школой и философским занятиям, не смог раскрыть свой потенциал так, чтобы это прочно сохранилось в истории философии. Более того, под пером Дамаския он несколько очернен в пользу Исидора, по всей видимости, незаслуженно. Его схолярхат, занявший *mid* 5, *max* 25 лет (наиболее широко – 495-520), проходил в постоянной борьбе с оппозиционными группировками на фоне стремительной христианизации Афин⁴. Все это не способствовало выделению «эпохи Гегия» в истории Афинской школы в последующей традиции.

Во всяком случае, ныне в историографии истории Афинской школы между Проклом и Дамаскием имеется определенный хронологический и содержательный вакуум⁵. Он нуждается в более или менее надежном заполнении.

Библиография

- Болгова А.М., Болгов Н.Н. Горуполлон Младший (ок. 440-500 гг.) и его школа в Менуфисе // ПИФК. 2016. № 2(52). 2016. С. 152–162.
- Болгова А.М., Болгов Н.Н. Школа Прокла Диадоха и Афины V в. // Власть и общество: история взаимоотношений. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 269-274.
- Ведешкин М.А. Пампрепий и последняя битва восточноримского язычества // Классическая и византийская традиции. 2011. Белгород: НИУ «БелГУ», 2011. С. 94-100.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. II. Харьков-М.: Фолио - АСТ, 2000.
- Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб: Алетейя, 1996.
- Athanassiadi P. Damascius, the Philosophical History. Apamea: Athenaem, 1999.
- Kaldellis A. The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge: UP, 2009.
- Combes J. Damascius. Traite des premiers principes. Vol. 1. Paris: Belle Lettres, 1986.
- Edwards M. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool: University Press, 2000.
- Glucker J. Antiochus and the Late Academy. Gottingen: University edition, 1978.
- Heitsh E. Die griechischen Dichterfragmente der romischen Kaiserzeit. Gottingen: University edition, 1961-1964.
- Hult K. Marinus the Samaritan: A Study of Vit. Is. Fr. 141 // Classica et Medievalia. 43. 1993. P. 163-175.
- Watts, Edward J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley; London: University of California Press, 2008.
- Westerink L.G. The Greek Commentaries on Plato's Phaedo. Vol. 2. Damascius. New York: OUP, 1976-1977.

References

- Bolgova A.M., Bolgov N.N. Gorapollon Mladshij (ok. 440-500 gg.) i ego shkola v Menufise // PIFK. 2016. № 2(52). 2016. S. 152–162.
- Bolgova A.M., Bolgov N.N. Shkola Prokla Diadoha i Afiny 5 v. // Vlast' i obshhestvo: istorija vzaimootnoshenij. Voronezh: VGU, 2016. S. 269-274.
- Celler E. Ocherk istorii grecheskoj filosofii. SPb: Aletejja, 1996.
- Losev A.F. Istoriya antichnoj jestetiki. Poslednie veka. Kn. II. Har'kov-M.: Folio - AST, 2000.
- Vedeshkin M.A. Pamprepij i poslednjaja bitva vostochnorimskogo jazychestva // Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2011. Belgorod: NIU «BelGU», 2011. S. 94-100.

¹ Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351.

² См. подробнее: Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley; London, 2008.

³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. II. Харьков-М., 2000. С. 410.

⁴ Kaldellis A. The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge, 2009.

⁵ Схолярхи этих лет: Марин (485-489), Исидор (489-490), Гегий (490 – 500/520?).